

Виктор Вургафтик

## ПОСТРОЕНИЕ КОСМОСА

июнь – август 1995

Видя, что реальные факты слишком сложны для познания, наука отождествляет их с более или менее простыми идеальными фактами, построенными ею самой, которые она и познаёт. Это отождествление основано на её вере в близость идеальных фактов к соответствующим реальным. Так, статика отождествляет свои объекты с абсолютно твёрдыми телами, теория упругости – с абсолютно упругими телами, теория разрежённых газов – с идеальными газами, кинематика во многих случаях – с равномерным или равнопеременным движением материальной точки; динамика во многих случаях отождествляет Землю с инерциальным телом отсчёта.

Идеальный факт строится, или определяется посредством некоторых высказываний и поэтому вполне им удовлетворяет. Так как реальный факт отождествляется с ним, считается, что он тоже удовлетворяет этим высказываниям, которые поэтому называются его основными законами /иногда, правда, отмечают, что он удовлетворяет им приблизительно/. Таким образом, реальный факт кажется подчинённым тем или иным законам только потому, что он отождествляется с идеальным фактом, построенным соответственно этим законам. Например, абсолютно упругое тело определяется в теории упругости как тело, удовлетворяющее закону Гука, идеальный газ в теории разрежённых газов – как тело, удовлетворяющее закону Клапейрона - Менделеева, инерциальное тело отсчёта в динамике – как тело, относительно которого выполняется Первый закон Ньютона. И если верят в близость данного реального факта к абсолютно упругому телу, говорят, что он подчиняется закону Гука, если верят в его близость к идеальному газу, – что он подчиняется закону Клапейрона - Менделеева, если же верят в его близость к инерциальному телу отсчёта, – что относительно него справедлив Первый закон Ньютона.

Но, если реальные факты сложны для научного познания, они сложны и для всякого познания, в котором являются объектами, т.е. отделены от познающего субъекта; иначе говоря, реальные факты сами по себе, взятые как объекты, непознаваемы. И если наука вынуждена заменять их построенными ею идеальными фактами, то ясно, что эту замену производит субъект-объектное познание вообще: посредством некоторых высказываний строит идеальный факт и отождествляет с ним познаваемый реальный, веря в его близость к нему. В результате познающим кажется, что реальный факт удовлетворяет этим высказываниям, т.е. в какой-то мере познан. Отличие ненаучного субъект-объектного познания от научного только в следующем: здесь мы не отдаём себе отчёта в том, что высказываниями о реальном факте строим другой, идеальный факт, к которому, как мы верим, он близок и потому может быть с ним отождествлён, а, следовательно, удовлетворяет этим

высказываниям. В ненаучном познании мы непосредственно относим их к реальному факту.

Если мы созерцаем /воспринимаем, вспоминаем, воображаем/ нечто как объект, мы знаем о нём по крайней мере то, что это объект – нечто, от нас отделённое. Мы можем знать о нём также и другое; если, например, мы его созерцаем ещё как сосну, то знаем также, что это сосна. Во всяком случае, о том, что мы созерцаем как объект, мы имеем некоторое познание. Но любое наше субъект-объектное познание состоит в том, что мы строим посредством высказываний идеальный факт, с которым отождествляем реальный, в результате чего нам кажется, что он удовлетворяет этим высказываниям. В действительности им удовлетворяет лишь идеальный факт, который ими и построен, мы имеем познание только о нём. Поэтому то, что мы созерцаем как объект, о чём, следовательно, имеем познание, есть идеальный факт; он построен посредством высказываний типа "это от меня отделено и является сосной" или "это от меня отделено и является планетой, движущейся вокруг Солнца по Первому и Второму законам Кеплера" или, в предельном случае, "это от меня отделено". Не совершая никакого высказывания, мы ничего не можем созерцать, в частности, видеть как объект, любое видение объекта предполагает высказывание, хотя часто мы не обращаем на это внимания.

Итак, все созерцаемые объекты – это идеальные факты, построенные нашими высказываниями. Наука знает, что идеальные факты, которые она строит, – абсолютно твёрдые тела, идеальные газы, равномерные движения, инерциальные тела отсчёта и пр. – не существуют. Но это означает, что не существует никакие идеальные факты, так как ненаучное познание по существу не отличается от научного. В то время как реальные факты, созданные Словом Бога, существуют действительно, идеальные факты, созданные нашим словом, не имеют действительного существования. Если, таким образом, говорить о действительном существовании, то созерцаемые нами объекты, в частности, весь созерцаемый мир как объект, не существует. Но мы отождествляем идеальные факты с реальными, благодаря чему эти идеальные факты, т.е. объекты, кажутся нам существующими. Итак, отождествление реального и идеального фактов приводит к тому, что реальный факт представляется нам познаваемым, а идеальный – существующим, т.е. они оказываются одним фактом, который и существует, и познаваем; это и есть объект.

Откуда вера в близость реальных фактов к соответствующим идеальным, лежащая в основе этого отождествления? Мы получим ответ на этот вопрос, если снова обратимся к научному познанию. Там она возникает оттого, что наши ощущения или показания приборов, вызываемые реальным фактом, близки к тем, которые вызывал бы построенный нами идеальный факт, если бы он существовал. Пусть, например, нечто, предполагаемое нами в данном сосуде, при тех или иных показаниях приборов, измеряющих температуру и

объём, вызывает почти такое же показание прибора, измеряющего давление, как если бы в этом сосуде находился определяемый законом Клапейрона - Менделеева, но действительно существующий идеальный газ. Тогда мы верим в то, что реальный факт, вызывающий эти показания, близок к идеальному газу. Аналогично, у нас есть построенный некоторыми описаниями зрительно-обонятельно-осязательный образ сосны; если теперь мы воспринимаем нечто, вызывающее у нас приблизительно такие же зрительное, обонятельное и осязательное ощущения, какие вызывал бы этот образ, если бы он имел действительное существование, то мы верим в близость этого нечто к сосне, даже в его совпадение с нею, которая, однако, есть лишь имеющийся у нас этот образ, идеальный факт. Не имея заранее образа сосны, мы никак не могли бы узнать сосну в том, что мы воспринимаем.

Возьмём, однако, два построенных в науке идеальных факта, которые, если бы они действительно существовали, вызывали бы приблизительно такие же ощущения или показания приборов, какие мы получаем в некотором опыте. Если эти идеальные факты близки к реальному, вызывающему данные ощущения или показания приборов, то они близки друг к другу. Но это не так. Например, если бы действительно существовали идеальные факты, построенные системой Птолемея и системой Коперника, каждый из них вызывал бы у нас такие же зрительные ощущения, какие мы имеем в наших астрономических наблюдениях. Однако эти два идеальных факта друг от друга очень далеки. Если мы скажем, что систему Коперника следует рассматривать в контексте механики Ньютона, с которой согласуется неизмеримо больше ощущений и показаний приборов, чем с системой Птолемея, то ведь они согласуются и с общей теорией относительности, однако построенный ею идеальный факт далёк от идеального факта, построенного механикой Ньютона: второй из них – взаимодействующие материальные точки в пустоте, а первый – гравитационное поле с материальными точками.

Таким образом, у нас нет никаких оснований для веры в близость идеальных фактов к соответствующим реальным и, значит, для отождествления одних с другими. Мы не можем говорить о фактах, которые действительно существуют и вместе с тем познаваемы: существуют только реальные факты, но они непознаваемы; познаваемы только идеальные факты, но они не существуют. Созерцаемых нами объектов в действительности нет. Это отнюдь не означает, что нет ничего из того, что мы созерцаем, так как мы созерцаем не только объекты, т.е. то, что от нас отделено, хотя для нас являются объектами и вспоминаемые нами состояния нашей души, которыми занимается психология.

Итак, если говорить о субъект-объектном познании, что же мы в конце концов познаём? Только одно: какие приблизительно ощущения /показания приборов/ вызовет, по всей вероятности, реальный факт, если мы обеспечим такие-то вызываемые им ощущения /показания приборов/. Или короче: как

приблизительно отреагирует /по всей вероятности/ реальный факт на определённые наши действия. Мы несколько не познаём, что он такое, но в какой-то мере можем избегать вреда и получать пользу, т.е. поддерживать своё существование. Иными словами, это познание служит лишь практике здешней жизни.

Простейшим примером познания этого рода может быть познание того, каким давлением ответит реальный факт, предполагаемый в данном сосуде и отождествлённый с определённым идеальным газом, на создание под поршнем такого-то объёма и такой-то температуры: это познание содержится в законе Клапейрона - Менделеева. Все научные эксперименты стремятся лишь к познанию таких ответов.

Но никакого другого познания нет и во всей технологии. Производство какого-либо технического устройства – это добыча некоторых материалов, их обработка и соединение полученных посредством неё частей. Можно считать, что все эти операции суть наши действия на некий реальный факт, и что он отвечает на них теми свойствами технического устройства, ради которых мы их совершаем. Например, в результате таких действий мы получаем ожидаемые нами свойства автомобиля: способность двигаться с определённой максимальной скоростью, способность изменять направление движения на определённый максимальный угол и др. Эти свойства суть только наши ощущения /показания приборов/, вызываемые неведомым реальным фактом в ответ на наши действия, благодаря которым он вызывает у нас восприятие автомобиля.

В производственной деятельности идеальным фактом является Земля как тело, удовлетворяющее всей совокупности технологических знаний. Я имею в виду знания следующего типа: если из Земли извлечь такие-то полезные ископаемые, обработать их таким-то образом и полученные элементы так-то соединить, то мы будем иметь автомобиль с такими-то свойствами; если же то, другое и третье сделать так-то, мы получим определённый самолёт, а если так-то – определённый дом и т.д. Всю совокупность технологических знаний можно рассматривать как один огромный закон, который определяет, строит этот идеальный факт – Землю технологии. И хотя он неизмеримо сложнее закона Клапейрона - Менделеева, определяющего идеальный газ, суть познания, содержащегося в том и другом, одна и та же.

Мы не можем считать, что идеальный факт, построенный в субъект-объектном, в частности, научном познании, ближе к познаваемому реальному факту, чем образ, построенный сколь угодно фантастическими высказываниями. Различие между ними только в том, что этот идеальный факт вызывал бы у нас почти те же ощущения, которые мы действительно испытываем, а этот образ – ощущения, которых в действительности у нас нет. В

субъект-объектном познании мы строим свой мир – идеальный факт, объемлющий все другие идеальные факты и полагаемый действительно существующим, т.е. объект, который, разумеется, удовлетворяет нашим законам – иначе говоря, космос. В нём мы созерцаем как объекты и самих себя. Но мы не можем созерцать в нём живого Бога, ведь объекты в действительности не существуют, о Себе же Бог сказал: "Я есть Сущий". Подмена существующего несуществующим, которому, кроме того, приписывается существование, есть одно из проявлений греха, состоящего именно в оторванности взгляда от истинного Бога.

Если себя, другого человека или Бога, я созерцаю как объект, то это созерцаемое мною не существует. Но я действительно существую, действительно существуют другие люди, по преимуществу же существование принадлежит Богу. Дело в том, что не только я, но и другие люди в действительности от меня не отделены, т.е. не являются для меня объектами: как исповедует христианское учение, мы все единосущны – представляем собою одно со множеством личностей. Но Иисус Христос единосущен нам по Своему человечеству и единосущен Богу Отцу - представляет Собою одно с Ним – по Своему Божеству, причём Его Божество и человечество нераздельны. Это значит, что Бог от меня в действительности тоже не отделён, тоже не есть для меня объект. Не существуют не люди и Бог, но то, что изображает направленное на них превратное созерцание.